

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

DOI 10.22394/1726-1139-2017-8-142-154

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры государственного и муниципального управления
Кандидат исторических наук, доцент
mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Политическая и административная карьера первого премьер-министра России графа С. Ю. Витте после Манифеста 17 октября 1905 г. неуклонно двигалась к своему завершению, не успев начаться. Либеральные уступки царя, кабинет «общественных деятелей» Витте потерпели неудачу. Ни царь, ни Витте не стали национальными героями в обществе. Николай II все более не доверял Витте, а Витте — не стремился к сближению с царем, хотя оба понимали значимость либерального проекта «Государственная Дума» для России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Манифест 17 октября, премьер-министр России граф С. Ю. Витте, народное представительство, общественность, откroированная конституция, Николай II, Д. Ф. Трепов, граф С. Д. Шереметев, кабинет «общественных деятелей», П. Н. Дурново

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management
PhD in History, Associate Professor
mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

The political and administrative career of the first Russian Prime Minister count S. Yu. Witte after the Manifesto, on October 17, 1905 steadily moved to the end, without having managed to begin. The liberal concessions of the tsar, Witte office of “public figures” have failed. Neither the tsar, nor Witte became national heroes in society. Nicholas II more and more did not trust Witte, and Witte — did not seek for rapprochement with the tsar though both understood the importance of the liberal project State Duma for Russia.

KEYWORDS

Manifesto on October 17, Russian Prime Minister count S. Yu. Witte, national representation, public, otkroirovanny constitution, Nicholas II, D. F. Trepov, count S. D. Sheremetev, office of “public figures”, P. N. Durnovo

Поездка в Америку изменила отношение С. Ю. Витте к принципам демократического государственного устройства. Он воочию увидел реальную практику амери-

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163. 2017. № 2. С. 103–120; № 3. С. 134–145; № 4. С. 176–192; № 7. С. 153–168.

канского народа с его демократическими свободами. Бесспорно, Витте не мог не знать, что связывает русский народ с американским: при Екатерине Великой американцы получили бесплатно богатую территорию Аляску, а император Александр II (дед Николая II) откликнулся на просьбу президента Авраама Линкольна о присылке военного флота к берегам Америки для оказания ему помощи в решении утрашения французского и английского флота, чтобы они не смогли бы содействовать южанам в их борьбе с Севером. Обращение А. Линкольна к русскому царю было намеренным и имело продолжение в истории США. Ввиду того, что «друг» Александр II являлся освободителем 22 млн крепостных крестьян (Манифест от 19 февраля 1861 г.) в России, Линкольн в благодарность за незамедлительную помощь России его правительству и в знак уважения к русскому народу провел XIII поправку в Конституции об отмене рабства в палате представителей (Прокламация об освобождении рабов, 1 января 1863 г.). В исторической всемирной памяти их имена сохранились рядом: Освободитель — царь Александр II (Россия) и Эмансипатор — президент А. Линкольн (США). Между ними существовала некая параллель не только в общих политических задачах, но и в их трагической гибели — оба были убиты. В то же время сама Россия после освобождения от рабства, имея за плечами после этих событий сорокалетнее развитие, ни на шаг не продвинулась в сторону демократии, в стране на период заключения мирного договора не существовало народного представительства, и Россия сохраняла самодержавный абсолютизм. Но в 1905 г. обстоятельства изменились — другой американский президент, Т. Рузвельт, не проявил ответную благодарность России за оказанную помощь в историческом прошлом, что для русской общественности оказалось неожиданностью. В переговорах между Россией и Японией он играл роль посредника, обеспечивая защиту интересов Японии, которая вела против России военную кампанию на Дальнем Востоке. Тем не менее, американский народ все действия главы русской делегации С. Ю. Витте на переговорах принимал искренне и восторженно, хотя в русском обществе недоброжелатели Витте стали умалывать его значимость и приписывать честь в акте подписания договора президенту Рузвельту [3, с. 472].

Но была и другая сторона дела. Французские политические деятели советовали переходить России на либеральный путь развития, иначе, как они предупреждали, могут быть затруднения при получении денежных кредитов. В то время требовались срочные денежные вливания в слабую материально и технически экономику России, однако в стране нарастал революционный хаос, деньги нужны были и для подавления революции. Нужна была политическая воля, чтобы остановить в России социально-экономический распад.

После приезда из Америки у Витте возникает желание уехать из России, чтобы уйти от грядущих событий. Он боялся, что у кого-нибудь может возникнуть идея, подобно его назначению в Портсмут — «бросить в огонь», а потом его же обвинить и полезть тушить самим этот «огонь», если Витте не справится. Из этого видно, что граф Витте не строил воздушных замков. Он реально оценивал ситуацию и понимал, что ни на благодарность, ни на благородство души ему не следует рассчитывать: в неудаче его радостно уничтожат, а в случае удачи ему придется защищаться от ударов со всех сторон.

Витте, находясь в сентябре-октябре 1905 г. еще в фаворе, подготавливал царя к рассмотрению «конституции», а затем представил проект о возможных либеральных уступках народу в виде народного представительства в системе управления государством. Политическая ситуация в стране подталкивала Витте к консолидации вокруг себя людей либерального толка. Известно, что сам Витте к пониманию необходимости либеральных уступок пришел не сразу. Показателен тот факт, что Витте находился в течение многих лет под впечатлением знаний князя А. Д. Обо-

ленского и М. А. Стаховича о местном самоуправлении губернского дворянства. Они стали «истолкователями» внутреннего строя русской жизни. Оценку их отношениям дает В. И. Гурко, подчеркивая, что они пророчески подготовили петербургского чиновника Витте к пониманию демократии [7, с. 253]. Интересно, что Манифест 17 октября 1905 г. как раз явился совместным творчеством князя А. Д. Оболенского и графа Витте. А. Д. Оболенский составил первый вариант текста Манифеста [12, с. 420]. Затем к нему подключился Н. И. Вуич (управляющий делами Комитета министров), а после обсуждения текста с Витте они разработали на основе его идеи второй вариант. Поскольку идея Манифеста принадлежала графу Витте, то текст на подпись царю представлял именно он, соответственно в историю Витте вошел как автор Манифеста 17 октября 1905 г.

Справедливости ради следует отметить, что еще в 1904 г. царь был настроен на либеральные уступки более Витте. Когда же Николай II после кровавого воскресенья (9 января 1905 г.) созвал в феврале совещание, чтобы решить вопрос о создании Думы (Булыгинской Думы), Витте выступил против ее созыва. И только демонстрации с требованием конституции подвигли его к мнению, которое он в тезисах выразил царю: или облечь диктаторскими полномочиями доверенное лицо и подавить противодействие народных масс правительству, даже ценой массового пролития крови; или перейти к уступкам общественному мнению и даровать народу конституцию, с утверждением разработанной программы Витте. Чтобы быть достоверными, следует подчеркнуть, что Витте не являлся профессиональным политиком, он был математиком и только потом стал инженером по эксплуатации железных дорог, но по воле судьбы и благодаря своим способностям он стал чиновником и политиком. Даже оправдательная «Справка о Манифесте 17 октября 1905 г.» была изложена им с математической точностью. Он интуитивно чувствовал стихию времени и двигался в ее русле. В этом Витте был природным политиком. Он никогда не останавливался на достигнутом уровне и продвигался всегда вперед. Когда же чего-то не достигал, то паниковал, не оттого что не мог справиться, а потому что не ожидал ничего хорошего. Его угнетала позорная война с Японией, обессилившая Россию, но с ситуацией смирял тот факт, что на начало войны сохранялся некоторый денежный запас, сохраненный им в бытность министром финансов. Его смущали действия государя, на которого нельзя было положиться, с ним вряд ли можно было провести масштабные реформы: при развитой способности к анализу у царя наблюдалось отсутствие всякого синтеза.

Итак, за стенами дворца кипела революционная масса, не менее накаленные страсти кипели и внутри дворца, где развернулась битва за «конституцию». Власть искала выход и возлагала свои надежды на Витте, вернувшегося недавно из Америки и получившего графский титул. 13 октября к Витте поступила записка от царя, который возлагал на него «объединение всей деятельности правительства», автоматически превращающую его в председателя Комитета министров. Казалось, все, что он проектировал, начинало сбываться. Но Витте ответил царю решительным заявлением, что не может принять к исполнению его Высочайшее повеление без принятия и одобрения к опубликованию его программы. Витте бросил своеобразный вызов царю. Когда Николай II стал медлить с ответом, Витте засомневался в правильности своего расчета и посредством своих знакомых М. А. Ушакова и князя М. М. Андронникова решил воздействовать на великого князя Николая Николаевича (внук императора Николая I и дядя действующего царя), зная, что тот имеет большой авторитет у Николая II. Князь М. М. Андронников устраивает встречу М. А. Ушакова с великим князем Николаем Николаевичем 16 октября. Витте просил описать великому князю положение дел в таком свете, чтобы тот незамедлительно повлиял на царя. Главным аргументом были опасения, что возможно

вооруженное восстание, и для его предотвращения незамедлительно следует даровать народу конституцию.

17 октября Витте был вызван к государю в Петергоф, на пароходе Витте с князем А. Д. Оболенским и при участии Н. И. Вуича составляет набросок Манифеста. Он знал, что накануне у царя был его давний недруг И. Л. Горемыкин с представлением своего варианта Манифеста о даровании населению тех прав, которые требовала общественность. Витте был расстроен «византийскими» манерами царя, который одновременно вел два заседания: одно — при участии Витте, а другое — при участии Горемыкина [4, с. 38]. Их деятельность вновь пересеклась при столь трагических обстоятельствах, когда страна была на пороге революции. Курьезное «соревнование» оказалось недолгим и продлилось около пяти дней. Царю пришлось выбирать из двух вариантов наиболее приемлемый, в полной мере отвечающий духу самого царя. И. Л. Горемыкин как в «битве докладов» 1898–1899 гг., так и в «битве манифестов» 1905 г. потерпел неудачу. После долгих обсуждений царь принял редакцию текста Манифеста, наспех составленную на пароходе Витте и А. Д. Оболенским. Витте и здесь получил преференции — его текст был принят лишь с некоторыми изменениями. По мнению Витте, игра в каш-каш (прятки) закончилась [там же, с. 41]. Но в битве за Манифест 17 октября 1905 г. участвовали не только Витте и И. Л. Горемыкин, за ними стояли определенные группировки, которые, так или иначе, влияли на царя. Бесспорно, к программе Витте тяготели достаточно близкие к царю личности, такие как барон Фредерикс, Трепов, Мосолов, великий князь Николай Николаевич. Все они не представляли в полном смысле сплоченную группу, их интерес определялся сохранением самодержавия и установлением диктатуры власти на фоне представительства. Программа Витте была ближе к такому идеалу власти. Каждый из них имел свою позицию и действовал в рамках своих личных и должностных возможностей. Пожалуй, самым эксцентричным в этом списке оказался великий князь Николай Николаевич. Очевидно, Николай II не давал ответа по поводу Манифеста до 17 октября, как раз потому, что ожидал приезда великого князя. Как только он приехал, то барон Фредерикс объяснил ситуацию и, обращаясь к нему на «ты» (находились в близких отношениях), сказал, чтобы тот взял установление диктатуры на себя. Реакция великого князя была незамедлительной: он вытащил револьвер из кармана, говоря, что пойдет к государю и будет умолять принять программу Витте; если тот откажется, тогда он пустит пулю себе в лоб. После этого он быстро ушел к государю, а когда через некоторое время он вернулся, то передал Фредериксу повеление царя переписать Манифест Витте в окончательном варианте [4, с. 41].

Но и 17 октября не обошлось без интриги. Когда происходило подписание Манифеста, то царь перехватил инициативу Витте и своего дяди. Николай II от своего имени, как собственную заслугу, представил эту уступку народу. При подписании Манифеста в комнате находилась императрица с пятилетней великой княжной Анастасией Николаевной. Обстановка в комнате была накалена до такой степени, что императрица действительно почувствовала, что «как будто рядом происходят тяжелые роды» [6, с. 26]. Царь как победитель подписал Манифест и дал согласие на созыв народных представителей по образцу западноевропейского парламентаризма [5, с. 91]. Кроме того, царь в тексте Манифеста произвел некоторое изменение, пытаясь перехитрить Витте, он изымает ссылку на понятие «законодательная власть» Государственной Думы, тем самым автоматически усекается идея «конституции», предложенная Витте и князем А. Д. Оболенским. В этом вопросе царь действовал, как и Витте, не напрямую: в течение так называемой «битвы манифестов» он проводил консультации и получал советы от Д. Ф. Трепова (генерал свиты, с октября 1905 г. — дворцовый комендант) [10, с. 214–215]. Однако, поставив подпись под Манифестом, сильно взволнованный царь назвал этот акт «страшным решением», но которое, как он выразился, «принял совершенно сознательно». И далее с глубоким

страданием и болью выразил свое самочувствие: «После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию» [13, с. 343]. При церемонии подписания акта (в 5 часов дня), как и все присутствующие, Витте был взволнован, затем он встал и поклонился государю. Акт о подписании Манифеста, благодаря Витте, к вечеру 17 октября стал известен в Санкт-Петербурге и за границей [6, с. 26–27; 13, с. 342–344]. 17 октября стал днем всеобщей радости русской передовой общественности, которую ей подарил граф С. Ю. Витте. Царь отказался от абсолютной власти, которую считал своей по праву помазанника Божьего, а Витте с этого момента связал свою судьбу с либеральной реформой. Он предпочитал, чтобы реформы вошли в общее сознание как «программа Витте», но Манифест торжественно подписал император, его решение и подпись оказались исторически важными [13, с. 310].

В знаменательный день 17 октября П. Н. Милюков зачитал во время своей речи на съезде «Союза освобождения» в Москве текст Манифеста и, продолжая свое выступление, сказал: «Ничего не изменилось. Борьба продолжается» [9, с. 52].

Как поговаривали, Витте считал себя укротителем революции и его «левая» репутация в глазах его противников, так называемой «камарильи» (дворцового окружения) делала Витте своего рода экспертом революционных событий. Однако по слухам, которые распускали недоброжелатели, Витте на тот момент выступал в роли монополиста власти. Как видно, в начале XX в. в России по воле Николая II и под воздействием революционных событий 1905 г. произошел политический «переворот». Витте ошибался, что не сможет убедить царя провести политическую реформу. Николай II изменил свое мнение о традиционном образе российской власти, исходя из положения, что в глазах общественного мнения власть потеряла свой нравственный авторитет. Для того чтобы придать ей силу, необходимо было оформить реформу «сверху», но чтобы эта реформа состоялась, нужно было абсолютную форму власти «вставить в новую оправу», состоящую из выборных от общественности. Между тем в реформе камнем преткновения стал именно принцип привязки к абсолютной власти народного представительства. Не все радостно восприняли этот Манифест, некоторой части общественности показалось, что «камень преткновения» появился намеренно, чтобы бюрократический абсолютизм и в будущем оставался неприкосновенным¹.

19 октября 1905 г. в России впервые появляется новая структура власти и назначается председатель Совета министров. Первым премьер-министром России становится граф Витте. Наконец, Витте возвращается в большую политику. Он не мог не знать, какую ответственность вместе с Манифестом 17 октября ему придется нести перед народом, а главное с кем — задачей номер один являлась идея собрать правительство «доверия» из общественных деятелей страны.

В администрации Николая II вместе с Витте «иллюзии» по поводу свершившегося государственного преобразования разделял Д. Ф. Трепов. Любопытно, что первым, кого Витте известил о подписании государем Манифеста, был именно Д. Ф. Трепов. Кто кого тогда использовал, а главное — в каких целях, неизвестно, но Витте и Трепов на короткое время объединились. Известно, что Трепов от новости о подписании Манифеста пришел в восторг и стал объяснять стоявшему рядом с ним начальнику Петербургского охранного отделения А. В. Герасимову, что «вся страна будет завтра праздновать великий патриотический национальный праздник рождения новой, свободной России» [7, с. 469]. Такая искренность в поведении Д. Ф. Трепова не вызывает сомнений, ведь именно он стоял за кулисами и тайно наставлял царя, и с его подачи царь принял окончательный виттевский

¹Гессен В. М. Государственная Дума // Конституционное государство. СПб. : Типография тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 460, 470.

вариант Манифеста. Поэтому, можно сказать, что к выходу в свет Манифеста 17 октября 1905 г. причастен и Д. Ф. Трепов. Причем восторг, который он проявил от подписания Манифеста, сразу же перекинулся и в официальные структуры. Вечером 17 октября столичный градоначальник В. А. Дедюлин собрал у себя высших чинов полиции и прочитал им Манифест, а затем в политическом экстазе поцеловал текст Манифеста [Там же].

Впрочем, как было сказано, не все так восторженно воспринимали свершившийся исторический факт. Отклик на события этих дней колоритно выражен в дневниковой записи графа С. Д. Шереметева от 18 октября 1905 г., где граф выражает мысли не столько сакраментальные, сколько саркастичные по отношению к своим недавним кумирам — Николаю II и Витте. С. Д. Шереметев, будучи в некотором роде летописцем описываемого времени, указывал на акт слабости правительства: «Правительство обос...сь и уступает. Витте заявляет, что “Россия переросла существующий строй”! Отныне две России будут определенно враждовать и пока останется только стяг церковный, послед(ний) удар будет направлен в эту сторону и скоро... Воля Божия во всем и уже нет “святой Руси”! Видно, что царь и его временщик, оба не русские, оба сошлись, ненавидя друг друга, и один раздавлен другим!» [8, с. 160]. Здесь важна мысль «царь и его временщик»: понятие «царь» выступает как величина константная во времени, а рядом уничтожительное — «временщик», его время непостоянно, оно истекает тогда, когда деятельность «временщика» не будет соответствовать политике самодержца. Политика, дескать, не зависит от временщика, он творит в рамках политического представления о ней правителя: она либо унифицирована, либо противоречива, либо протекает в болезненных формах с окончательным разложением. Граф Шереметев указывает на своеобразную причину падения правительства: и царь, и Витте — «оба не русские», намек на национальное происхождение обоих: у Николая II — датское (по матери), а родословные корни Витте из балтийских немцев (по отцу). С. Д. Шереметева не смущало, что Николай II и Витте оба были русскими европейцами! Как летописца монархической власти, графа поглотила ненависть к ним, в нем лучшие чувства к власти были оскорблены, и он видел в этом только то, что один (Николай II) раздавлен другим (Витте). Приверженец идеального и национально ориентированного консерватизма, граф С. Д. Шереметев признавал время Александра III эталонным правлением [1]. Он не смог принять либеральный поворот Николая II и представленные в Манифесте 17 октября 1905 г. конституционные права. В знак протеста он приказал перевернуть в своем дворце одно портретное изображение Николая II лицом к стене, а другое — повесить на чердаке. При этом такое проявление чувств в домашней обстановке, не помешало ему не только оставаться царедворцем, но и при встречах с Витте лицемерно любезничать с ним, а за его спиной писать нелюбезные письма о нем [4, с. 314]. Витте знал об этом и пытался избегать с ним встречи, чтобы не подавать руки. Витте не хотел играть в придворные игры, хотя сам часто интриговал и стремился через нужных людей решать те или иные вопросы, пытался на важное место поставить своего человека, чтобы знания и опыт профессионала придавали работе необходимый эффект. Иначе невозможно было выжить среди огромного количества карьеристов, ищущих при дворе возможность получить лишь выгоду и привилегии.

В действительности и царь был смущен тем, что произошло 17 октября, когда он подписывал в Петергофе Манифест, он не знал, что ему теперь надо делать, какие шаги ему дальше предпринимать, ведь не существовало от Петра Великого такой русской политической традиции, чтобы царь ограничивал свой суверенитет и делился властью с представительством. В письме к матери императрице Марии Федоровне, которая находилась в Дании, Николай II, как провинившийся школьник, пишет, что он не знает, как начать это письмо. Для оправдания себя, он жалуется,

что с момента их возвращения из Транзунда, где они отдыхали, ситуация в стране изменилась, что в Москве были съезды, где все подготовили к забастовке. Из письма ясно, что Николай реально смог охватить картину развернувшейся революционной ситуации. По его мнению, именно с Москвы начались забастовки железных дорог, а затем они охватили всю Россию. В стране начался железнодорожный коллапс, который и привел к тому, что «Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренней губернии». Царь жаловался, что в состоянии забастовки находилась и Балтийская дорога, она неделю не действовала, и единственное сообщение с городом осуществлялось морем, что в такое время года было не очень удобно. Затем Николай последовательно описывает, что «после железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом городские учреждения и в департамент железных дорог министерства путей сообщения». Он осознает, что потерпел фиаско, поэтому восклицает: «Подумай, какой стыд!» Масштаб забастовки настолько был широк, что даже в университетах и других учебных заведениях начались беспорядки. Но что удивительно, царь весьма колко отзывается о своих министрах, будто бы его с ними не было рядом, и, боясь сознаться, что дискуссии проходили по его инициативе, отмечает: «А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно»¹. В обстоятельствах, когда на «митингах» (Николай объясняет матери, что это новое модное слово) решили начать вооруженное восстание, то он дал команду Д. Ф. Трепову о подчинении ему всего петербургского гарнизона. Он предложил Д. Ф. Трепову «разделить город на участки, с отдельным начальником в каждом участке». Собственно, этот военный ход был произведен 9 января и Николай II невзначай снимает драпировку с тайны о своей причастности к «кровавому воскресенью». Выходит, он знал, как великий князь Владимир Александрович поделил город на участки, чтобы легче можно было контролировать и нейтрализовать бастующих. Весь этот пассаж в письме был направлен на то, чтобы Мария Федоровна прониклась тяжелой обстановкой в столице и в других городах России, и приняла появление Манифеста 17 октября как вынужденную рефлексию на все события. И далее Николай сообщает матери, что «в течение этих ужасных дней» он виделся с Витте постоянно. Эти строки были рассчитаны на доверительное отношение императрицы к Витте, сын показывал матери, что действует в полном контакте с министром, поясняя, что их «разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте»².

Вместе с тем Манифест 17 октября 1905 г. не вполне ясно указывал на изменения основ государственной власти, он вошел в историю как лично пожалованный, т. е. октроированный акт государевой милости. Манифест не являлся законодательным установлением, а потому не ограничивал власть государя. Таким образом, Манифест был актом октроированной конституции, пожалованной сверху народу, которому предоставили те уступки, которыми власть сама себя ограничивала.

Несмотря на все недочеты Манифест был востребован и долгожданен — это был общеполитический триумф русской общественности, произошла так называемая «революция умов». Если представить систему государственного управления в период Николая II, то она имела подобие законодательного триумvirата: Корона (Верховная власть), Правительствующий Сенат, Государственный Совет, затем выстраивалась исполнительная ветвь власти: министерства (верховное правление), а также комитеты, канцелярии, институт губернаторства (подчиненное управление). Из этого видно, что верховная власть законодательствовала (*regue*),

¹ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906) // Красный архив. Т. 3 (22). 1927. С. 166–167.

² Там же. С. 167.

правила (*gouverne*) и управляла (*administrent*), т. е. сочетала в себе как законодательное, так и исполнительное государственное управление. Ничего подобного в европейской политике не существовало, Николай II продолжал пользоваться всеми инструментами верховной власти, установленными еще М. М. Сперанским. Итак, к указанной иерархии по Манифесту 17 октября 1905 г. учреждался новый орган народного представительства — Государственная Дума (ГД), в компетенцию которой теоретически включалось конституционное право, составляющее основание законодательной власти. Указ был подписан 6 декабря 1905 г., проект о выборах в Государственную Думу царю представил Витте. Видимо, ситуация была безотлагательной и Витте «прихватил» с собой на непредвиденный случай автора проекта С. Е. Крыжановского, чиновника МВД. Как объясняет А. И. Гурко, если бы у государя возникли какие-либо технические вопросы, то для их решения Витте нужен был помощник [7, с. 551]. Премьер-министр Витте обращался за помощью к С. Е. Крыжановскому в силу того, что последний был знатоком избирательного процесса, а Витте в этом вопросе был профан. Этот факт подтверждает и Д. Н. Шипов. Он объясняет, что общественность крайне была удивлена тем, что Витте не знаком с принципами выборов по пропорциональной системе, которую предлагалось применить на выборах в Думу. Именно С. Е. Крыжановский объяснил ему правила выборов и по причине исключительности знания вопроса был взят на прием к царю, которому Витте представлял на подпись проект. На случай, если у царя могли возникнуть вопросы, то С. Е. Крыжановский все бы разъяснил [15, с. 323].

Витте, действительно, не знал, каким образом следует проводить выборы, хотя вопрос о созыве народных представителей, поднятый еще Манифестом 18 февраля 1905 г., был проработан петербургскими юристами на опыте всех цивилизованных стран в сборнике под названием «Конституционное государство», которое выдержало два издания. В нем излагался не только исторический экскурс, но и весь комплекс действий народного представительства с государственной системой управления. Имелся даже проект основного закона Российской империи¹. Среди авторов этого сборника были известные правоведы и юристы: Н. И. Кареев, А. К. Дживелегов, М. Б. Горенберг, М. А. Рейснер, Н. И. Лазаревский, В. М. Гессен и др. Судя по всему, Крыжановский был знаком с этим сборником статей известных юристов, так как он представлял собой образец юридического консультирования по вопросам, касающимся выборов народного представительства.

Находясь во главе правительства, Витте свои усилия направил на установление народного представительства. Было ощущение, что ничего, кроме выборов, не существует. Начался политический бум. Все увлеклись выборами народного представительства, мало кого интересовала в целом система управления государством, с этим в правительстве столкнутся позже, когда начнет функционировать Дума.

Но на тот момент действия Витте увенчались успехом: и Манифест 17 октября 1905 г., и создание ГД в 1906 г. И хотя закон о выборах в ГД оказался более чем консервативным, а по сути, отражал преданность существующему строю, все же в русской политической жизни произошел большой прорыв в сторону демократии.

Пожалуй, одной из противоречивых черт являлось соединение законодательной функции в Государственном совете (невыборные представители) и в Государственной Думе (выборное представительство). Государственный Совет и Государственная Дума должны были совместно обеспечивать выполнение общих законодательных обязанностей, исполняя роль верхней и нижней палаты, так называемого парламен-

¹ Конституционное государство: сб. статей. Издание И. В. Гессена и прив. доц. А. И. Каминка. 2-е изд. 1905.

та. Схематически это представлялось неким аналогом Британского парламента: палаты лордов и палаты общин. Действительно, двухпалатная законодательная власть являлась новой формой государственной жизни.

В дальнейшем стало очевидным, что Манифест 17 октября не привел к смене абсолютного государства на правовое государство, он лишь отретушировал власть самодержавную, предоставляя народу некие гражданские свободы. Парадокс состоял в том, что в государственный механизм встраивались, как просвещенный абсолютизм монархии, так и ограниченное народное представительство. Как отметил П. Н. Милоков, само понятие «конституция» становилось запретным. В этой связи образовалось некое «средостение» между царем и народом, где главную роль играла бюрократия [11, с. 3]. Неудивительно, что возник вопрос: каким образом демократически избранная власть должна соотноситься с самодержавной властью. Однако никто не прописывал детали демократических преобразований. Приходилось действовать осторожно — не только создать народное представительство, но и сохранить, не ущемляя самодержавную волю государя. Монарх и правительство, в случае необходимости, по проекту Витте, могли действовать беспрепятственно, не привлекая к решению государственных дел народное представительство. Россия де-юре получила конституционную форму монархии, но конституционное поле народного представительства де-факто оставалось ограниченным. Центром власти продолжал быть монарх и подчиненное ему правительство. Государь, так или иначе, сохранял силу верховенства и не мог не повелевать. Что значит повелевать? — это значит приказывать. Именно этот аргумент исключал повиновение какой-либо конституции. Сущность власти государя кодировалась лишь установлением божественной воли. Витте по своей природе как монархист не мог не думать о месте и роли своего монарха, но как глава «кабинета общественных деятелей» обязан был следовать новым курсом, усмиряя общественность уступками, которые она требовала.

При таких обстоятельствах Николай II не мог стать национальным лидером, он даже не пытался завладеть ситуацией, чтобы привлечь на свою сторону какую-либо часть общественности. Царь вновь спрятался за спиной Витте, предоставив ему возможность после опубликования Манифеста 17 октября составить впервые в русской истории «кабинет общественных деятелей» [11, с. 3]. Но и Витте не стал героем этого времени. В кабинет «доверия» были приглашены видные общественные деятели, но некоторые из них отказывались в него входить, например, П. Н. Милоков, А. И. Гучков, Д. Н. Шипов, князь Е. Н. Трубецкой. Это случилось после того, как только Витте пригласил на пост министра внутренних дел П. Н. Дурново, который в глазах общественности являлся беспринципным человеком. Царь, по просьбе Витте утверждая кандидатуру П. Н. Дурново, согласился его назначить лишь со второго раза с лаконичной резолюцией: «Хорошо, только ненадолго» [2, с. 140]. Витте вынужден был привести веские доказательства царю о необходимости привлечения к руководству имперским полицейско-административным аппаратом именно П. Н. Дурново, объясняя царю, почему он второй раз обращается к нему. Дескать, просьба весьма значимая для страны, так как он без П. Н. Дурново не сможет ручаться за охранение существующего строя от революционного натиска [7, с. 475]. Кандидатура П. Н. Дурново не одобрялась общественностью — не принимался его полицейско-аппаратный стиль работы. Но, видимо, Витте это не смущало, и он настойчиво просил царя утвердить его в должности министра внутренних дел. Как утверждает И. И. Тхоржевский (1878–1951), соратник Витте, план его был ясен: взять П. Н. Дурново в качестве «полицейской собаки» для репрессий и свалить на него весь «одиум» (вину), а самому рисоваться «налево» — «Джиокондой» [14, с. 66]. Однако существует и другая версия: к П. Н. Дурново, когда он разбирал бумаги после убийства В. К. Плеве, попал портфель, в котором

находились перлюстрированные письма и доносы на Витте. В. К. Плеве собирался их передать царю, но не успел — был убит по дороге. В результате у П. Н. Дурново оказался компрометирующий материал на Витте, которым он в любой момент мог его уничтожить [2, с. 136–137]. Возможно, было и другое обстоятельство, связанное с тем, что в руках П. Н. Дурново имелись какие-то письма Витте, содержание которых могло окончательно погубить его репутацию в глазах государя [там же, с. 139–140].

Пожалуй, идея «кабинета общественных деятелей» лопнула с первых шагов премьерства Витте. Первому премьер-министру России пришлось пойти на уступки своей совести. Понимая, что он не в силах побороть кадетские взгляды общественных деятелей, Витте стал приглашать тех, кто сочувствовал его положению. Таким образом, Правительство Витте формировалось тяжело и не с теми фамилиями, которые предполагались первоначально. В кабинет министров вместе с П. Н. Дурново вошли граф И. И. Толстой (министр народного просвещения), В. И. Тимирязев (министр промышленности и торговли), Д. А. Философов (государственный контролер), граф В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел). Примечательно, в новый кабинет были привлечены и бывшие сотрудники Витте по Министерству финансов — И. П. Шипов (министр финансов), Н. Н. Кутлер (министр земледелия) и князь А. Д. Оболенский (обер-прокурор Св. Синода). В качестве министра юстиции первоначально был приглашен А. Ф. Кони, но он отказался именно из-за появившейся кандидатуры П. Н. Дурново. В этой связи был оставлен С. С. Манухин, но вскоре он был заменен на М. Г. Акимова, по слухам не без давления со стороны П. Н. Дурново, в силу родства с последним (был женат на его сестре). К ним примыкала группа должностных лиц со стороны императорского двора, составляющая объединенное правительство [7, с. 474–478].

Что же касается Витте, то как глава правительства, он все же не оставлял надежды на использование парламента в своей работе. Он стремился прорвать бюрократическую рутину в правительстве и переключиться на «молодое представительство», чтобы реализовать трудоемкие законопроекты [7, с. 529], необходимые государству и обществу. Даже в усеченном виде этот проект был привлекательным и значимым для Витте.

Удивительно, но Манифест 17 октября не открыл двери к свободе и мирному существованию народа и власти. Более того, Витте понимал, что с помощью Манифеста не удалось «перескочить» через революцию. Он хотел успокоить страну, больно переживавшую поражение на Дальнем Востоке, а результат получился обратный. Либеральные реформы только усилили и подтолкнули либеральные элементы к активным действиям [16, с. 114]. Уже на следующий день после опубликования Манифеста 17 октября по всем городам прокатились демонстрации, толпы людей ввязывались между собой в драки, так как многие считали себя обманутыми. В Манифесте одни видели махинацию, другие — капитуляцию перед властями. Как ни странно, но 18 октября Витте потерпел очередное фиаско, его расчетам не удалось сбыться — никто не видел в нем спасителя России. Критика шла как со стороны правых, так и левых. Действия Витте критиковали все, он ни в ком не находил поддержки. Даже бывший военный министр А. Н. Куропаткин, с которым Витте находился в переписке, и тот записал в своем дневнике следующую сентенцию о Манифесте 17 октября: «Сергей Витте торжествует. Так отомстить, как он отомстил государю, даже и ему не всегда представлялось возможным» [13, с. 344–349]. Как видно, не один только государь чувствовал, что Витте его предал. П. Н. Милюков отмечает, что на самом деле в политике Витте шел ощупью по направлению к русской общественности. Противоречивость действий Витте создавала сложную ситуацию: с одной стороны, он желал, чтобы парламентаризм состоялся, а с другой — он находил тех людей, которые были убежденными противниками «конституции», но которые могли бы ему помогать и при-

влекать на свою сторону общественное мнение. Как утверждает П. Н. Милюков, эта задача была непосильной и утопической [11, с. 3].

Но было нечто очень важное в этом революционном марафоне. Царь, как и Витте, понимал значимость нового сосредоточения власти в государстве, хотя и видел априори в Думе своего врага [7, с. 551]. Несмотря на то, что демократия в интерпретации Манифеста была несовершенна, однако, Николай II мог представлять Россию на европейской политической арене как страну, признавшую демократический образ правления. Исторически сложились такие условия, что король Англии Георг V и кайзер Германии Вильгельм II были монархами, в странах которых сложился парламентаризм. В европейских странах существовало вековое представительство: в Британии парламентаризм возник в 1265 г. (XIII в.), а в Германии — Рейхстаг стал оформляться с XIII–XIV вв. Что касается Николая II, то он исторически сам вел Россию к парламентаризму. Российский парламентаризм как идея берет свое начало с октября 1905 г. (XX в.). Император Николай II сам ограничил свою власть, сумев преодолеть вековые традиции. Николай II, безусловно, выделялся среди европейских кузенов тем, что он первый из русских царей провел либеральные реформы такого масштаба, став архитектором нового демократического устройства России.

В России создавалась власть, внешне воспроизводившая европейскую модель управления, с ограничением королевской власти. Из страны самодержавно-восточной Россия становилась европейской страной с ее либеральными ценностями, а сам Николай II — европейским императором. И Витте, не без оснований, понимал роль России в геополитической европейской системе. Он знал, что у России и Европы имеются большие возможности сотрудничества. Еще при встрече в 1897 г. с германским императором Вильгельмом II, когда кайзер посетил Петербург, Витте развил идею континентального геополитического союза России, Германии и Франции. Презентабельность такого союза позволила бы примкнуть к ним и другим европейским странам, что, бесспорно, освободило бы Европу от взаимного соперничества и позволило бы ей занять доминирующее положение над всем миром [3, с. 123]. К сожалению, этот союз остался лишь проектом: Европа постоянно соперничала и вела несправедливые войны с Россией. В этом вопросе Витте был не только впереди всей Европы, предвидя значимость России в европейской политике, но и стремился превентивно предупредить монархов о возможных международных спорах.

Как ни парадоксально, именно Манифест 17 октября 1905 г. приблизил падение Витте. Всегда уверенный в себе Витте, определенно, не смог охватить те масштабы забастовок и политических манифестаций, возникших в стране и Польше в результате представленного им проекта. Премьер-министр выпустил воззвание с обращением к рабочим, где призывал их приступить к работе. Явно заигрывая, «граф Витте» обращается к ним панибратски: «Братцы рабочие, станьте на работу, бросьте смуту...». Он даже предложил себя в качестве посредника, объясняя им, что он именно тот человек, который ради них может пойти на уступки: «Послушайте человека, к вам расположенного и желающего вам добра». Ответ был короток и ясен — с Витте никто не хотел «брататься». Совет Рабочих Депутатов дал ему понять, что «пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят» и тем более «не нуждаются в расположении царских временщиков» [13, с. 352]. С большим недоверием к происходящим изменениям, производимыми Витте в стране, отзывалась и пресса, выражая настроения общественности. Так, А. С. Суворин в газете «Новое время» от 6 ноября предупреждал читателей, что он не удивится, если разбушевавшиеся молодцы арестуют и посадят графа Витте вместе с его министрами в казематы Петропавловской крепости. Другой автор — М. С. Меньшиков — в этой же газете от 11 ноября вообще посчитал, что граф

Витте «потворствует революции, но затем, чтобы ее вернее убить...» [13, с. 353]. После принятия Манифеста в «Известиях Совета» появилась статья Л. Д. Троцкого, где были указаны два имени, вызывающие раздражение у пролетариата. Ими оказались Д. Ф. Трепов — «полицейский хулиган» (с волчьей пастью), за применяемые административно-полицейские меры в подавлении революционного движения Москвы и студенческих демонстраций, и граф С. Ю. Витте — как «либеральный маклер» (с лисьим хвостом), выполняющий посредническую деятельность между царем и народом [13, с. 344].

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Белоусова О. В. Граф С. Д. Шереметев в общественной и политической жизни второй половины XIX–XX в. : автореф. ... канд. ист. наук. М., 2012.
2. Бородин А. П. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М. : Алгоритм, 2013.
3. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. : Книга по Требованию, 2013.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М. : Книга по Требованию, 2013.
5. Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта. Минск : Харвест, 2002.
6. Вырובה А. Воспоминания. М., 2013.
7. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
8. Дневниковые записи С. Д. Шереметева об С. Ю. Витте // Отечественная история. 1998. № 2. С. 160.
9. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М. : ТЕРРА, 1996.
10. Миллюков П. Н. Воспоминания. М. : Политиздат, 1991.
11. Миллюков П. Н. Три попытки (к истории русского лже-конституционализма). М., 2013.
12. На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации. В 2 т. Т. 2. С. Ю. Витте и его современники. СПб. : Лики России, 2014.
13. Ольденбург С. С. Царствование Николая II. М., 2003.
14. Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.
15. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007.
16. Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1960.

References

1. Belousova O.V. *The count S.D. Sheremetev in public and political life of the second half of the XIX–XX century* [Graf S.D. Sheremetev v obshchestvennoi i politicheskoi zhizni vtoroi poloviny XIX–XX v.]. Dissertation abstract. M., 2012. (rus)
2. Borodin A. P. *Petr Nikolaevich Durnovo. Russian Nostradamus* [Petr Nikolaevich Durnovo. Russkii Nostradamus]. M. : Algorithm, 2013. (rus)
3. Witte S.Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]: V. 2. M. : Book on demand [Kniga po Trebovaniyu], 2013. (rus)
4. Witte S.Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]: V. 3. M. : Book on demand [Kniga po Trebovaniyu], 2013. (rus)
5. Voeykov V.N. *With the tsar and without tsar: Memoirs of the last palace commandant* [S tsarem i bez tsarya: Vospominaniya poslednego dvortsovogo komendanta]. Minsk : Harvest, 2002. (rus)
6. Vyubova A. *Memoirs* [Vospominaniya]. M., 2013. (rus)
7. Gurko V.I. *Lines and silhouettes of the past: the government and the public in Nicholas II's reign in the image of the contemporary* [Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika]. M., 2000. (rus)
8. *Diary entries of S.D. Sheremetev about S.Yu. Witte* [Dnevnikovye zapisi S.D. Sheremeteva ob S.Yu. Vitte] // National history [Otechestvennaya istoriya]. 1998. N 2. P. 160. (rus)
9. Kerensky A. F. *Russia on historical turn. Memoirs* [Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary]. M. : TERRA, 1996. (rus)
10. Milyukov P.N. *Memoirs* [Vospominaniya]. M. : Politizdat, 1991. (rus)

11. Milyukov P.N. *Three attempts (to history of the Russian pseudo-constitutionalism)* [Tri popyt-ki (k istorii russkogo lzhe-konstitutsionalizma)]. M., 2013. (rus)
12. *On a break of eras: S. Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood. Researches and publications* [Na izlome epokh: vklad S.Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniya i publikatsii]. In 2 vol. V. 2. S. Yu. Witte and his contemporaries [S.Yu. Vitte i ego sovremenniki]. SPb. : Faces of Russia [Liki Rossii], 2014. (rus)
13. Oldenburg S.S. *Nicholas II's reign* [Tsarstvovanie Nikolaya II]. M., 2003. (rus)
14. Tkhorzhevsky I.I. *The last St. Petersburg. Memoirs of the chamberlain* [Poslednii Peterburg. Vospominaniya kamergera]. SPb., 1999. (rus)
15. Shipov D.N. *Memoirs and thoughts about endured* [Vospominaniya i dumy o perezhitom]. M., 2007. (rus)
16. Shulgin V. *Years. Days. 1920* [Gody. Dni. 1920 god.]. M., 1960. (rus)